

МЕМУАРЫ ГОДА ПО ВЕРСИИ *TIMES*

«Искренняя
и добрая книга».

THE GUARDIAN

«Откровенно,
остроумно и стильно».

FINANCIAL TIMES

ФРЕЙЛИНА

МОЯ
НЕВЕРОЯТНАЯ
ЖИЗНЬ В ТЕНИ
КОРОЛЕВЫ

ЭНН ГЛЕНКОННЕР

Энн Гленконнер
Фрейлина. Моя невероятная
жизнь в тени Королевы
Серия «Автобиография-бестселлер»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66649824

*Фрейлина. Моя невероятная жизнь в тени Королевы: Эксмо; Москва;
2022*

ISBN 978-5-04-160534-6

Аннотация

Благодаря своим знатным родителям леди Энн Гленконнер с детства дружила с будущей королевой Елизаветой II и ее сестрой, принцессой Маргарет. Всю свою долгую жизнь Энн находилась вблизи монаршей семьи: присутствовала на коронации Елизаветы II и была фрейлиной принцессы Маргарет вплоть до ее смерти в 2002 году. Дружба и обязанности при дворе омрачались личными трагедиями: неудачный брак со взбалмошным бароном Гленконнером, оставившим все состояние слуге, смерть двух сыновей и кома третьего сына. Все это время Энн продолжала сопровождать королевскую семью по всему миру и развивать карибский остров Мюстик, ставший любимым пристанищем не только принцессы Маргарет, но и знаменитостей по всему миру. «Фрейлина» – это откровенная и трогательная история женской

дружбы и жизни в золотой клетке, проливая свет на тайны королевского двора.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Энн Гленконнер
Фрейлина
Моя невероятная
жизнь в тени Королевы**

Посвящается моим детям, внукам и правнукам

Anne Glenconner

Lady in Waiting

My Extraordinary Life in the Shadow of the Crown

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Anne Glenconner 2019

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Пролог

В начале 2019 года я сидела в своей лондонской квартире, и тут зазвонил телефон.

– Алло?

– Леди Гленконнер? Это Хелена Бонэм Картер.

Не каждый день мне звонят голливудские звезды, но этого звонка я ожидала. Когда создатели популярного сериала Netflix «Корона» сообщили, что в третьем сезоне меня будет играть Нэнси Кэрролл, а Хелена Бонэм Картер сыграет принцессу Маргарет, я очень обрадовалась. Меня попросили встретиться с актрисами, чтобы они лучше представили мои отношения с принцессой Маргарет. Я не возражала.

Нэнси Кэрролл приехала ко мне на чай. Мы расположились в моей гостиной и побеседовали. Разговор был фантастический. Я была очень собранной, понимая, что Нэнси нужно стать мной, и сейчас она впитывает каждое слово и каждый жест.

Через несколько дней, когда мне позвонила Хелена, я пригласила на чай и ее тоже. Я не просто восхищаюсь ее актерским талантом. Хелена – двоюродная сестра моего мужа, Колина Теннанта. Ее отец помог мне, когда в 80-е годы мой сын попал в аварию на мотоцикле.

Когда Хелена вошла в гостиную, я сразу заметила, как она похожа на принцессу Маргарет: одинаковый рост, фигура...

Хотя у нее оказались другие глаза, но во взгляде я почувствовала тот же игривый, интеллигентный блеск.

Мы уехали в гостиной, я налила своей гостье чай. Она вытащила блокнот – у Хелены оказалось множество вопросов. Она хотела сыграть принцессу как можно лучше, «показать ее настоящей». Многие вопросы касались манер. Хелена спросила, как принцесса курила. Я описала процесс подробно, словно китайскую чайную церемонию. Принцесса доставала из сумочки длинный мундштук, тщательно вставляла сигарету. Закуривала она всегда сама – у нее было немало очень красивых зажигалок. Маргарет терпеть не могла, когда кто-то предлагал ей закурить. Когда кто-то из мужчин спешил на помощь, она делала легкий, но вполне однозначный жест, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в ее желаниях.

Я заметила, что Хелена сразу же сделала легкий, еле заметный жест, чтобы сразу же закрепить только что описанное мной движение, а затем перешла к обсуждению характера принцессы Маргарет. Я попыталась рассказать о неповторимом остроумии принцессы – она всегда умела находить что-то смешное, старалась не сосредоточиваться на плохом, всегда сохраняла позитивное и деловое настроение. Мы беседовали, и постепенно образ принцессы становился таким живым, словно она сама сидела за нашим столом. Хелена слушала очень внимательно, делала массу заметок. Мы проговорили три часа. Когда Хелена ушла, я осталась в твердой уверенности, что она идеально подходит для этой роли.

Обе актрисы написали мне благодарственные письма. Хелена Бонэм Картер выразила надежду, что принцесса Маргарет могла бы стать ей такой же хорошей подругой, какой была для меня. Это меня глубоко тронуло. Мне очень хотелось вновь встретиться с принцессой Маргарет на экране. Я вспомнила наше детство в Норфолке, тридцать лет работы фрейлиной, те моменты, когда мы хохотали, как безумные... Я вспомнила взлеты и падения нашей жизни.

Я всегда любила рассказывать истории, но мне и в голову не приходило написать книгу – пока две гостыи не всколыхнули эти воспоминания. Я росла в те годы, когда нас учили не задумываться, не оглядываться назад и не задавать лишних вопросов. Только сейчас я понимаю, насколько необычными были девять десятилетий моей жизни, сколько поразительных контрастов в ней было. Я оказывалась в самых странных обстоятельствах, веселых или ужасных. Много даже мне самой кажется невероятным. Но мне очень повезло – у меня прекрасная семья, и я прожила замечательную жизнь.

Глава первая

Величайшее разочарование

Холкем-холл взирает на равнину Северного Норфолка с неким презрением. Это суровый дом. Краше всего он становится к концу лета, когда трава приобретает оттенок коричневого сахара и весь парк сливается с домом. Совсем рядом побережье, где под бескрайним небом дуют сильные ветры. За соляными болотами и дюнами, поросшими темными сосновыми лесами, открывается серо-золотистый пляж Холкем.

Мои предки превратили болотистые равнины в место зарождения сельского хозяйства. Здесь, где раньше жили лишь дикие гуси да чибисы, в последние дни правления Тюдоров поселилось семейство Куков. Сэр Эдвард Кук считался лучшим юристом времен правления Елизаветы и Якова – именно он успешно провел процесс над сэром Уолтером Рэли¹ и участниками Порохового заговора².

Герб нашего семейства – страус, глотающий железную подкову. Герб символизирует нашу способность переварить что угодно. Сохранилась фотография моего крещения летом 1932 года. Меня держит на руках отец, будущий пятый граф Лестер, а рядом стоят родственники-мужчины с торжественными лицами. Я изо всех сил старалась быть мальчиком, даже весила при рождении 11 фунтов³. Но я родилась девочкой, и сделать с этим ничего было нельзя. Я не могла унаследовать графский титул и Холкем, пятое по размерам поместье Англии с 27 тысячами акров⁴ великолепных сельскохо-

¹ Уолтер Рэли (1552–1618) – английский придворный, государственный деятель, поэт и писатель, историк, солдат и путешественник, фаворит королевы Елизаветы I. Прославился каперскими нападениями на испанский флот, за что получил рыцарство в 1585 году.

² Пороховой заговор (англ. Gunpowder Plot) 5 ноября 1605 года – неудачная попытка группы английских католиков взорвать здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков короля Якова I. Остался в современной культуре как «Ночь Гая Фокса» – по имени самого знаменитого участника заговора.

³ 4,9 кг.

⁴ Около 110 кв. км.

зайственных земель, старинной мебелью, книгами, картинами и серебром. У моих родителей родилось еще двое детей – и снова девочки. Через два года родилась Кэри, а через двенадцать – Сара. Род прервался. Отец явно чувствовал, как сурово и с осуждением смотрят на него предки за четыреста лет существования нашего рода.

Та же судьба постигла и отца моей мамы, восьмого лорда Хардвика. То ли из солидарности, то ли потому, что маме казалось, что мне понадобится сильный характер, она назвала меня Анной Вероникой в честь убежденной феминистки, героини романа Герберта Уэллса. Моя мама, Элизабет Йорк, была женщиной умной, обаятельной – именно о такой невестке всегда мечтал мой дед. Она тоже была дочерью графа из Уимпол-Холла в Кембриджшире.

Отец мой был мужчиной красивым и весьма популярным. Он обожал сельские радости. Наследник графства Лестер, он всегда был завидным женихом. Мои родители познакомились на лыжном курорте Санкт-Мориц, когда маме было пятнадцать, а отцу семнадцать. Они сразу же полюбили друг друга и даже неофициально обручились. «Я точно знаю, что хочу на тебе жениться», – сказал отец. Возможно, он так поспешил, потому что страшно боялся другой девушки из Норфолка, которая имела на него самые серьезные виды. Объявив о своей помолвке, он мог положить конец ее притязаниям.

Мама моя была женщиной очень красивой и абсолютно

уверенной в себе. Думаю, именно это и привлекло отца. Сам он был человеком довольно сдержанным и спокойным, и решительная, жизнерадостная мама идеально его дополняла.

Их можно было назвать золотой парой высшего общества. Они близко дружили с герцогом и герцогиней Йоркскими, которые позже, из-за отречения брата герцога, короля Эдуарда VIII, неожиданно стали королем и королевой Англии. Родители мои дружили с сестрами принца Филиппа, принцессами Теодорой, Маргаритой, Сесилией и Софи, которые часто приезжали погостить в Холкеме. Удивительно, но юный принц Филипп, который был намного младше сестер, всегда останавливался с няней не в Холкеме, а в пабе «Виктория», расположенном прямо на пляже. Недавно я спросила его, почему он не останавливался у нас, но он сам этого не понимал, поэтому мы решили, что ему просто хотелось быть максимально близко к пляжу.

Родители мои поженились в октябре 1931 года, а я стала ребенком медового месяца – родилась в день первой годовщины их свадьбы.

Пока мне не исполнилось девять лет, графом Лестером был мой прадед. Он сам и мой дед тоже жили в Холкеме в собственном крыле замка. Дом наш был огромным – особенно для ребенка. Дом был так велик, что лакеи опускали сырые яйца в кастрюльку с горячей водой и несли с кухни в детскую: к моменту их прихода яйца уже были идеально сварены. Мы часто бывали у деда. Я его просто обожала, а он

старался проводить со мной побольше времени. Мы сидели в длинной галерее и слушали классическую музыку на граммофоне. Когда я стала чуть постарше, он научил меня фотографии – ему удалось передать мне свою страсть к этому искусству.

Когда отец служил в Шотландском гвардейском полку, мы исколесили всю страну. Мною занимались няни, на плечи которых легли все повседневные заботы. Мама никогда не купала и не одевала меня и мою сестру Кэри. Она не кормила нас и не укладывала спать. Зато она всегда организовывала что-то интересное – поездки или пикники на природе.

Отец отнесся к семейным обязанностям своеобразно. Он был человеком суровым и прямолинейным. Отец всегда требовал, чтобы мы спали с открытыми окнами, и тщательно проверял, строго ли мы соблюдаем правила туалета. Я всегда старалась усесться ему на колени, но была слишком крупной, и он сгонял меня ради Кэри. Кэри он нежно любил и называл «своей маленькой куколкой-мечтательницей».

Отец рос в Викторианскую эпоху, и детство его было вполне типичным для мальчика его происхождения. Его воспитывали няни и гувернантки, потом он отправился в Итон, а оттуда в Сандхерст⁵. Отец проследил, чтобы его сын узнал все, что должен знать наследник. Мой дед был отцом любящим, но довольно отстраненным. Сентиментальность была

⁵ Имеется в виду Королевская военная академия в Сандхерсте – городе в графстве Беркшир.

ему несвойственна. Он не любил демонстрировать эмоции. Впрочем, в нашей семье такими были все, даже мама. Да, она нас обнимала и говорила добрые слова, но крайне редко говорила о своих чувствах и не интересовалась нашими. Сердечности в отношениях не было. Когда я стала старше, она стала вести со мной воспитательные беседы. Люди ее поколения и социального статуса не привыкли проявлять эмоции.

Но во многих других отношениях мама была полной противоположностью отцу. Будучи всего на девятнадцать лет меня старше, она стала для меня скорее старшей сестрой, веселой и игривой. Мы с Кэри лазили с ней по деревьям с палкой, к которой был привязан половник. Половником мы вылавливали из гнезд яйца галок – они были куда вкуснее яиц зуйков. Мы с мамой устраивали пикники на пляже, ездили в маленький Остин. Я страшно любила тамошнее мороженое – торговцы мороженым ездили на велосипедах и кричали: «Останови меня и купи мороженое!»

Когда это требовалось, мама становилась воплощением красоты и элегантности, но не забывала и о собственных увлечениях, которые зачастую были довольно рискованными. Мама была бесстрашной наездницей и гоняла на «Харли-Дэвидсоне» Мне она привила свою любовь к парусному спорту. Уже в пять лет я начала плавать на байдарке по волшебным речкам Бернэм-Овери-Стейт⁶ и перестала, лишь ко-

⁶ *Бернэм-Овери-Стейт* – деревня на побережье Норфолка.

гда мне исполнилось восемьдесят. Я всегда участвовала в местных гонках, но частенько оказывалась последней и приплывала к финишу, когда все уже расходились по домам.

Холкем был сугубо мужским поместьем, суровым и довольно старомодным. Мой прапрадед, второй граф, унаследовал отцовский титул в 1842 году. Он был графом, когда мой отец был еще мальчишкой. Прапрадед был настоящим брюзгой – даже жена должна была называть его Лестером. В молодости он как-то встретил в коридоре няню с ребенком и строго спросил:

– Чей это ребенок?

– Ваш, милорд, – ответила озадаченная няня.

Хрупкий, старый, прадед провел последние годы на раскладной кровати в парадных покоях. У него были очки в тонкой металлической оправе. Иногда он выбирался на улицу и катался по парку в конном экипаже вместе со своей многострадальной второй женой. Она сидела на подушке, пристегнутой к защитному крылу.

Холкем всегда был домом графов и менялся очень медленно. У мужчин и женщин здесь были строго определенные роли. Летом дамы выезжали в Милз-Хаус, старый особняк на пляже. Здесь они проводили свой «отпуск», когда могли наконец распустить волосы и избавиться от корсетов.

Дед рассказывал мне о наших предках с самого юного возраста. Я узнала, как первый граф Лестер в пятом своем воплощении (линия много раз прерывалась, и отец, у которого

не было сыновей, стал очередным разочарованием), Томас Кук, отправился в гран-тур по Европе – в такие роскошные каникулы длиной в целый год. Из Италии он отправил домой десятки картин и мраморных статуй. Чтобы произведения искусства не повредились при транспортировке, их переложили листьями и желудями дуба *Quercus ilex* – тогдашний вариант пузырчатой пленки.

Дед рассказывал, что эти желуди потом высадили в поместье – так появилась первая аллея каменных дубов (это вечнозеленое средиземноморское дерево называют еще дубом падуболистным) в Англии. Ландшафт поместья разработал сам прадед. Он отвел болота от дома, насадив сосновые леса, которые сегодня окаймляют пляж Холкем. До него подобными работами занимался первый граф в седьмом воплощении. Его даже прозвали Куком Норфолкским – такое огромное влияние на сельское хозяйство графства он оказал. Он стал одним из инициаторов сельскохозяйственной реформы в Британии.

Жизнь в Холкеме вращалась вокруг возделывания земли, и к этому занятию здесь относились очень серьезно. На землях поместья трудились десятки фермеров-арендаторов. Множество садовников присматривали за огромным садом и огородом. Чтобы персики и нектарины зрели быстрее, кирпичные стены обогревались кострами – по ночам за ними присматривали мальчишки. Жаркими летними днями я любила объезжать сады на велосипеде. Я срывала персик, сло-

мя голову неслась к фонтану перед домом и плюхалась туда, чтобы немного остыть.

Важную роль в жизни Холкема играла охота – мой отец и все его друзья буквально жили этим. Охота соединяла Куков и королевскую семью – ведь Сандрингем находился всего в десяти милях, меньше получаса езды. Королева Мария однажды позвонила моей прапрабабушке, чтобы заехать к ней вместе с королем. Узнав об этом, мой прадед остался очень недоволен: «Заехать?! Господи, конечно же нет! Это не следует поощрять!»

Отец мой охотился с отцом королевы Елизаветы, королем Георгом VI, а мой прадед и дед – с королем Георгом V. Они охотились и в Холкеме, и в Сандрингеме, но Холкем был особенно хорош для охоты: дикие куропатки здесь водились в изобилии. Именно в Холкеме изобрели особый способ охоты – специально была насажена круглая роща, куда охотничьи собаки сгоняли дичь, что повышало эффективность стрельбы.

И здесь же была изобретена шляпа-котелок: один из моих предков настолько не любил непрактичные цилиндры, что отправился в Лондон и заказал совершенно новую шляпу. Качество ее он проверял, топая и прыгая по ней, пока окончательно не удовлетворился. С этого времени егеря стали носить шляпы «билли кук», названные в его честь.

У нашей семьи были и другие связи с королевской семьей. Хорошо известно, что Эдуард, принц Уэльский, а впослед-

ствии король Эдуард VIII, имел немало романов с замужними, зрелыми аристократками, в том числе и с моей бабушкой по отцовской линии, Мэрион.

Отец мой был конюшим герцога Йоркского, а его сестра, моя тетя, леди Мэри Харви, была фрейлиной герцогини Йоркской после того, как та стала королевой. Когда в 1937 году герцог Йоркский стал королем Георгом VI, мой отец стал его главным конюшим. В 1953 году после коронации королевы Елизаветы II мама стала камер-фрау – высший титул фрейлины.

Отец всегда с большой любовью относился к королевской семье и был очень внимателен, когда они приезжали к нам с визитом. Мои первые воспоминания о принцессах Елизавете и Маргарет относятся к очень юному возрасту – мне было года два или три. Принцесса Елизавета была на пять лет старше – а это очень много, в моих глазах она была почти взрослой. Принцесса же Маргарет была старше меня всего на два года, и мы сразу же подружились. Она была озорной, веселой, изобретательной – лучшей подругой, какую только можно придумать. Мы носились по всему Холкему среди больших картин и статуй, устраивали веселые проделки в лабиринтах коридоров или выпрыгивали из дверей прямо на лакеев, которые несли большие серебряные подносы из кухни. Принцесса Елизавета всегда вела себя хорошо и вечно нам выговаривала: «Нельзя так вести себя, Маргарет! Ты не должна так поступать, Энн!»

На одной фотографии мы стоим в рядок. Принцесса Елизавета хмурится на принцессу Маргарет, подозревая ее в очередной проделке, а принцесса Маргарет смотрит на мои туфли. Спустя много лет я показала ей эту фотографию и спросила:

– Мэм, почему вы смотрели на мои туфли?

– Я так завидовала – у тебя были серебристые туфельки, а мне достались коричневые.

Летом принцессы приезжали на пляж Холкем, и мы целыми днями строили замки из песка. На нас были очень некрасивые и закрытые черные купальники, черные резиновые шапочки и туфли. Няни грузили нас в пляжный автобус, загружали корзины для пикника с сэндвичами и напитками, и мы каждый день отправлялись на пляж вне зависимости от погоды. У нас там был собственный домик – взрослые располагались в другом, расположенном среди деревьев. Мы чудесно проводили время – рыли в песке ямы, надеясь, что туда кто-нибудь упадет.

Каждое Рождество наша семья отправлялась на праздник в Букингемский дворец. Нас с Кэри наряжали в платья с рюшами и серебристые туфельки. В конце праздника детей приглашали к большому столу возле елки за подарками. За столом стояла внушительная королева Мария – я ее немного побаивалась. Королева была высокой и очень импозантной. Принцесса Маргарет никогда не пыталась к ней приласкаться, потому что каждый раз, увидев ее, королева Мария го-

ворила: «Вижу, ты так и не выросла». Принцесса Маргарет очень переживала, что на всю жизнь останется маленькой, и бабушку свою недолюбливала.

Но королева Мария преподнесла мне очень важный жизненный урок. Однажды Кэри подбежала к столу и схватила большого плюшевого мишку, который сидел среди подарков. Прежде чем выбрала подарок я, королева Мария наклонилась ко мне и сказала:

– Энн, чаще всего замечательные и очень ценные подарки лежат в маленьких коробочках.

Я замерла. Я нацелилась на другого плюшевого мишку, но королева так меня напугала, что я не решилась выбрать что-то, кроме маленькой коробочки. Внутри лежало красивое ожерелье из жемчуга и кораллов. Королева Мария была совершенно права. В моей маленькой коробочке лежал подарок, который я ценю и по сей день.

У нас были очень тесные и дружеские отношения с королевской семьей. В юности принц Чарльз был для меня младшим братом – он неделями жил у нас в Холкеме. Его отправляли к нам и во время заразных детских болезней, например, когда он заболел ветрянкой. Дело в том, что королева никогда не ходила в школу, не имела контакта и не болела детскими болезнями. Принц Чарльз был на шестнадцать лет младше меня и по возрасту куда ближе моей младшей сестре, Саре. Но на пляж мы всегда отправлялись все вместе.

Мой отец учил его ловить угрей в озере, а когда он стал

старше, моя мама позволяла ему кататься по нашему парку на «Ягуаре» и «Мини-Майноре». Ему это страшно нравилось. Уехав, он засыпал маму благодарственными письмами и твердил, что дождаться не может, когда снова окажется в Холкеме. Он был очень добрым и ласковым мальчиком. Я его очень любила – да и вся наша семья всегда относилась к нему с большой теплотой.

Как только я повзрослела достаточно, чтобы заняться верховой ездой, парк Холкема стал моим. Я отважно скакала повсюду на моем пони Китти. Когда мы стали еще чуть старше, нам с Сарой позволили ездить на пони к одному из самых симпатичных наших арендаторов, Гэри Мофе. Спустя много лет я очень сдружилась с его женой Марит. Гэри скакал по парку на огромном черном жеребце, а за ним трусили наши безнадежные пони. Мы изо всех старались успеть за ним, но получалось не очень.

Не только наша семья была частью Холкема, но и все, кто работал в поместье. Порой это были очень интересные люди. Главный садовник, мистер Паттерсон, по утрам с энтузиазмом играл на волынке – он делал это каждый раз, когда к нам приезжали гости. В конце концов мама теряла терпение и кричала:

– Достаточно, мистер Паттерсон, благодарю вас!

Мое раннее детство было по-настоящему идиллическим, но начало Второй мировой войны изменило все. Мне было семь, Кэри – пять. Отец вместе с Шотландской гвардией от-

был в Египет, и мама поехала вместе с ним, как поступили многие жены. Холкем-холл был частично занят армией. В парковом храме расположился отряд местной самообороны. Садовники и лакеи ушли в армию, а горничные и поварихи работали на военных заводах.

Все считали, что немцы непременно высадятся на побережье Норфолка, поэтому перед отъездом в Египет мама отвезла нас с Кэри в Шотландию, к нашей двоюродной бабушке Бриджет, подальше от подводных лодок Гитлера.

Прощаясь, мама сказала мне:

– Энн, остаешься за старшую. Присматривай за Кэри.

Если бы мы знали, как долго мамы не будет с нами, нам было бы еще тяжелее. Но тогда никто не знал, как долго продлится война. Наша разлука с родителями продлилась три года.

Глава вторая Война с Гитлером

Мы приехали в Дауни-Парк, где жили наши кузены Оги-

лви. Это было одно из охотничьих поместий Огилви в Ангусе: основной их дом, Кортчи-Касл, был реквизирован и отдан под госпиталь для польских офицеров. Хотя мы с Кэри переживали из-за разлуки с родителями, поездка в Шотландию казалась нам увлекательным приключением. Я любила своих кузенов Огилви. Их было шестеро, и трое младших – Дэвид, Ангус и Джеймс – были примерно нашего с Кэри возраста. Мы хорошо их знали, потому что они приезжали к нам в Холкем каждое лето. Мы отлично проводили время, гуляли, веселились и играли. Мы наблюдали, как мальчишки без конца играют в крикет на террасе в специальных льняных килтах – я и Кэри страшно им завидовали. Наша няня была не слишком довольна гостями, потому что им доставались все лучшие фрукты (довольно редкое лакомство в то время). Она вечно твердила, что им пора бы и домой уехать.

Кузены по-дружески приняли нас в Дауни-Парке. Особенно мне нравился Дэвид, и я следовала за ним повсюду. Я обожала их мать, свою двоюродную бабушку Бриджет, урожденную леди Александру Кук. Она была сестрой моего деда. Бриджет была сторонником «христианской науки» – это религиозное движение в XIX веке разработала Мэри Бейкер-Эдди. В годы Первой мировой войны «христианская наука» приобрела большую популярность среди аристократии, и многие стали ее адептами. «Христианская наука» учила, что все болезни – это иллюзия, от которой можно избавиться с помощью молитвы. Это приносило большое утешение

бабушке Бриджет и ее мужу, моему двоюродному деду Джо, графу Эрли. Первая мировая война оказала на деда, как и на многих мужчин, очень тяжелое воздействие. Бабушка Бриджет постоянно говорила о своих убеждениях и давала мне массу полезных советов. Больше всего меня поразила такой: «Все как-то устраивается. Возможно, не всегда так, как ты ожидаешь, но форсировать события не следует». Бабушкин спокойный подход очень помог нам с Кэри, потому что мы очень переживали из-за разлуки с родителями во время войны.

3 сентября 1939 года бабушка Бриджет собрала нас в гостиной Дауни-Парка, и мы вместе слушали по древнему приемнику выступление Невилла Чемберлена с объявлением войны Германии. В голосе премьер-министра слышалась тяжелая серьезность, и атмосфера в комнате была такой же. Слушая радио, я смотрела на ковер, не понимая, что происходит, и думая только о том, когда мы сможем вернуться домой.

Когда в 1940 году принцесса Елизавета обратилась к британским детям, атмосфера была совершенно иной. Мы снова усадились на ковер в гостиной вокруг старого приемника и, вытягивая шеи, прислушивались к голосу Елизаветы – ведь мы все ее хорошо знали. Нам казалось, что она обращается прямо к нам. В заключение принцесса сказала: «Рядом со мной моя сестра, и мы обе хотим пожелать вам доброй ночи. Иди сюда, Маргарет». И принцесса Маргарет произнесла:

«Доброй ночи, дети». Мы ответили ей хором. Нам казалось, она слышит нас где-то в таинственном беспроводном эфире. Принцессы были нашими героинями. Многие друзья моих родителей отправили детей в Америку, подальше от ужасов войны, но две принцессы остались в Англии и подвергались той же опасности, что и мы все.

Война означала, что мы с Кэри и принцессы больше не сможем встречаться в Норфолке. Встретились мы лишь однажды, когда все Огилви, Кэри и я отправились в замок Глэмис – поместье королевы-матери, где родилась принцесса Маргарет.

Глэмис считается самым зловещим замком Шотландии. Принцесса Маргарет знала все страшные истории и легенды родного дома. Мы гуляли по замку и парку, а она рассказывала нам истории про призраков, про Серую Даму, которая живет в часовне, и Даму без языка, которая гуляет по газонам. Истории увлекали кузенов, и они рассказывали собственные, про призрака Кортчи, который бил в барабан каждый раз, когда кто-то в семье умирал. После этих историй я тихо радовалась, что тот замок реквизируют. Перед нашим отъездом принцесса Маргарет взяла нас с собой посмотреть поезд, который проезжал по границе поместья. Мы стояли на мосту над железнодорожной веткой, и нас окутывал пар.

Больше мы не виделись. Наша жизнь была довольно ограниченной. Бензина не было, наш дом располагался довольно далеко от ближайшего города, и мы все время проводили в

Дауни-Парке. Лишь однажды мы выбрались в Данди – дядя Джо отвез нас в театр.

Зимой мы катались на коньках по замерзшему озеру. А когда у нас не было уроков с гувернанткой, мы занимались «военной работой» – собирали мох сфагнум для Красного Креста (мох использовали для повязок), вязали перчатки для моряков на миноносцах и развлекали польских офицеров в замке Кортчи, разыгрывая для них любительские спектакли и устраивая веселые игры.

Вторую половину дня мы проводили на свежем воздухе за физическими упражнениями. Мы уходили на долгие прогулки, потом возвращались домой, и житель ближайшего городка Кирримюир учил нас танцам. Мы с Кэри надевали черные танцевальные туфли и отправлялись в гостиную, где нас уже поджидал наш кузен Джеймс, ровесник Кэри. Он всегда был в килте. Учитель учил нас танцевать шотландские танцы.

Джеймс не всегда был таким галантным. Они с Кэри постоянно на меня нападали. Возможно, их злило, что я большую часть времени проводила в парке – обнимала деревья, забиралась на ветки и притворялась, что они мои друзья. Но однажды я забралась слишком высоко и никак не могла спуститься. Я страшно перепугалась, а Кэри и Джеймс стояли внизу и дразнили меня:

– Трусиха, трусиха! Трусливый заяц!

В Дауни-Парк я приехала довольно застенчивым ребенком, но постепенно выбиралась из своей раковины. Жизнь в

окружении энергичных и жизнерадостных Огилви меня закалила.

Мои родители прислали в Дауни нашу гувернантку. Перед отъездом мама сказала мне:

– Ты слишком взрослая, чтобы за тобой смотрела няня, поэтому мы с папой нашли тебе гувернантку, мисс Боннер. Она очень милая, и тебе с ней будет хорошо.

Оказалось, что мисс Боннер совсем не милая. С Кэри она ворковала, но ко мне относилась просто жестоко. Что бы я ни делала, как бы хорошо себя ни вела, она каждый вечер наказывала меня – привязывала за руки к спинке кровати и оставляла так на всю ночь. Я слишком ее боялась, чтобы попросить Кэри развязать меня. Впрочем, Кэри тоже ее боялась и вряд ли помогла бы мне. Из-за этого мы с Кэри очень страдали. Я хотела защитить Кэри – боялась, что мисс Боннер поступит так же и с ней, поэтому мы никому не рассказывали. Хотя с младшей сестрой мисс Боннер так не поступала, Кэри видела, что происходит со мной, и чувствовала себя совершенно беспомощной. Она ничего не могла сделать. Стресс проявлялся в повышенной температуре, которая поднималась у нее безо всякой причины.

Поскольку мисс Боннер выбрала мама, я думала, что она знает, как гувернантка поступает со мной, и не имеет ничего против, а, может быть, даже считает, что мне это полезно. Я страшно мучилась – я не могла понять, почему родители хотят, чтобы со мной так обращались.

К счастью, меня спасла христианская наука бабушки Бриджет. Со временем мисс Боннер уволили – не потому что она плохо ко мне относилась (я была уверена, что бабушка ничего об этом не знала), а за то, что она была убежденной католичкой и водила меня к мессе. В глазах бабушки Бриджет ничего не могло быть хуже католицизма. Когда мисс Боннер уехала, я устроила почти что истерику, притворяясь, что расстроена ее отъездом. На самом деле я боялась, что она обвинит меня в чем-нибудь или сделает что-нибудь еще хуже.

Мисс Боннер оставила неизгладимый шрам в моей душе. Мне до сих пор невыносимо думать, что она делала со мной. Спустя много лет она прислала мне открытку с поздравлением к свадьбе. Это пробудило во мне такие неприятные воспоминания, что я практически заболела.

К счастью, мисс Боннер сменила мисс Билли Уильямс – прекрасная женщина, хотя и слегка устрашающего вида. У нее постоянно текло из носа, а одна нога была короче другой, из-за чего она хромала. Но это была добрейшей души женщина.

Как только Билли Уильямс вошла в нашу с Кэри жизнь, все изменилось. Мы влюбились в нее за считанные дни. Думаю, она понимала, что с ее предшественницей у меня отношения не сложились. Она часто угощала меня чем-нибудь и устраивала нам интересные вылазки. Больше всего я любила охотничий домик Огилви на холме, в окружении вереска. Мисс Уильямс брала на такую прогулку нас всех. Мы шли

вдоль очаровательного ручья в нижней части дома, устраивали пикники, рвали вереск, делали из него самокрутки и притворялись, что курим. Это казалось нам безумно смешным.

Месяцы превращались в годы, и мы стали осознавать ужасы войны. Мы слышали, как взрослые обсуждают налеты на Британию. Хотя нас отправили в Шотландию, подальше от опасностей, но Данди находился совсем рядом, а этот город тоже безжалостно бомбили. Нацисты совершили более 500 налетов на Шотландию, так что, похоже, остаться в Норфолке было бы безопаснее. Однажды над поместьем Талкан сбили немецкий самолет. Билли Уильямс решила устроить мне подарок и взяла с собой на место катастрофы. Обломки самолета еще дымились. Тел летчиков мы не видели, но я до сих пор храню кусочек карты, подобранный на том месте, среди вереска.

Няня Джеймса постоянно слушала радио, и мы с Кэри стали понимать все больше и больше. Мы были твердо уверены, что Гитлер со своими сподручными вторгнется в Англию и каждый из них выберет себе дворец для проживания. Гитлер наверняка поселится в Виндзоре, а в Холкеме – Гиммлер или Геринг. И мы были недалеко от истины. Оказалось, что нацисты действительно собирались поселиться в загородных поместьях, хотя Гитлер имел виды на Бленхейм.

Мы с Кэри, как многие дети с развитым воображением, остро ощущали свою беспомощность перед лицом войны.

Мы понимали, что вязание перчаток и игры с польскими офицерами мало чем помогают нашей стране. Отец наш воевал, и мама, как нам говорили, занята «военной работой». Мы же не делали ничего, чтобы остановить Гитлера.

Из передач по радио мы с Кэри окончательно убедились, что Гитлер непременно приедет с визитом в Холкем. И тогда мы решили вернуться туда, чтобы убить его. Готовясь к убийству, мы разработали специальный «гитлеровский яд», собрав его из всех банок, где остались какие-то отвратительные объедки – пища, лекарства, протухшая вода, шерсть с ковра. Банку с ядом мы спрятали под кроватью, но средство наше стало так вонять, что Билли Уильямс заставила нас все выбросить. Дело пришлось начинать с нуля.

Мы решили обольстить Гитлера – он же непременно в кого-то из нас влюбится. А потом мы его убьем – довольно решительный шаг для юных девочек. Разумеется, мы не понимали, что происходит, и не могли даже контролировать собственную жизнь. Вот почему мы разработали свой план. Мы знали, что Гитлер любит девушек арийской внешности, а мы обе были светловолосыми – особенно Кэри – и с большими голубыми глазами. Мы считали, что должны использовать свою внешность, чтобы спасти Британию.

Мы начали тренироваться. Гитлера изображал наш плюшевый мишка. Мы приседали перед ним и начинали ворковать:

– Как приятно вас видеть! Мы так рады, что вы приехали

в Холкем.

– Вам у нас нравится? Мы приготовили для вас чудесный напиток, мистер Гитлер! Мы готовили его специально для вас...

Мы не думали, что произойдет, если нам действительно удастся убить Гитлера. Впрочем, нас это не волновало – мы были твердо уверены, что сможем это сделать и сделаем.

В 1943 году, когда мне было десять, а Кэри восемь лет, родители вернулись из Египта, и мы снова оказались в Норфолке. Это было странное воссоединение – родители стали нам чужими. Вместо того чтобы обнять их после долгой разлуки, мы с Кэри вцепились в Билли Уильямс и спрятались за ее спиной. Маме лишь через пару дней удалось завоевать нашу любовь. Отцу же потребовалось гораздо больше времени – он никогда не был особо открытым и дружелюбным человеком и никогда не обнимал нас, как мама.

К тому времени мой прадед умер, и дед стал четвертым графом Лестером. Какое-то время мы жили в Ред-Хаусе в Холкеме вместе с пожилой горничной. Горничную прозвали Спиди⁷ – очень уж медленно она ходила. Нам с Кэри нравилось жить в деревне. Мы играли с местными мальчишками в лесу – почему-то лес мы называли «ослиным».

А потом мы вернулись в семейное крыло в Холкеме. Я впервые жила в большом доме. Мысль о том, что теперь это наш официальный дом, мне страшно нравилась.

⁷ От *англ.* speed – «скорость», дословно: «быстроногая».

Деду нравилось со мной заниматься. Он рассказывал мне о сокровищах Холкема и даже показал Лестерский кодекс Леонардо да Винчи – рукопись на 72 страницах, – посвященный воде и звездам. Раз в две недели я доставала его из специального шкафа, где рукопись хранилась вместе с драгоценностями Куков и иллюминированной Библией.

Я лизала палец и переворачивала страницы, хмурясь на неразборчивое зеркальное письмо да Винчи, и с интересом рассматривала маленькие рисунки и чертежи. Кодекс первый граф купил во время гран-тура по Европе. Моя семья владела этим сокровищем не менее двухсот пятидесяти лет. К сожалению, отцу пришлось его продать – деньги нужны были на содержание поместья. На аукционе «Кристи» Лестерский кодекс купил американский бизнесмен Арманд Хаммер. В 1994 году рукопись за рекордные 30,8 миллиона долларов приобрел Билл Гейтс. Лестерский кодекс стал самой дорогой книгой в мире – и в нем сохранилась моя ДНК.

Вскоре жизнь в Холкеме вошла в нормальное русло. Отец продолжал служить в Шотландской гвардии, а мама возглавила женскую организацию Северного Норфолка. Мы с Кэри играли в большом доме. Особенно нам нравилось прятаться на чердаке, среди картин старых мастеров, которые казались слишком скромными, чтобы украшать стены официальных апартаментов.

Но во время войны поместье изменилось. В парке расположился лагерь военнопленных – сначала там держали ита-

льянцев, потом немцев. Егеря помогали их охранять. Нам с Кэри было очень любопытно, и мы постоянно катались вокруг лагеря на наших пони, подглядывая за заключенными. Итальянцы были очень добродушными – они всегда махали нам и улыбались. Они даже подружились с нашей мамой, и та после войны наняла их сестер для работы в Холкеме: многие решили остаться в Англии.

Немцы были не столь дружелюбны, и мы с Кэри их побаивались. На штанах и рукавах у них были нашиты мишени – на случай побега. Егеря мечтали об этом, чтобы записать в своих охотничьих книжках: «14 фазанов, 6 куропаток, 1 немец». Насколько мне известно, военнопленные бежать не пытались – немцы больше боялись наших егерей, чем официальных охранников.

Пляж Холкем тоже изменился. Мы больше не могли устраивать пикники в дюнах, потому что там постоянно тренировались военные. На пляже стояли лондонские автобусы и такси, на которых летчики отрабатывали воздушные удары. После войны разбитые машины так и остались на пляже. Сейчас на их месте большая песчаная дюна. Думаю, большинство людей даже не догадываются, что скрыто под песком и медленно ржавеет в своей могиле.

Военные тренировались повсюду: и в лесу, и на дюнах, и на болоте. На краю болота был пруд, и там построили стену для очередной тренировки: сначала взрывали дымовую шашку, а потом солдаты вслепую должны были преодолеть

стену и прыгнуть в пруд. Мы с Кэри обожали смотреть на эти занятия и всегда поддерживали солдат криками:

– Ну же, прыгайте, трусливые зайцы! Там не глубоко! Это всего лишь пруд!

Заслышав наши вопли, прибежал красный, разъяренный сержант:

– Вы что это тут делаете? Немедленно убирайтесь! Вы мешаете нашим тренировкам.

Мы хватали свои велосипеды и, хихикая, возвращались домой.

Мое детство было причудливой смесью беззаботных приключений на великолепной природе и мучительного страха войны. Когда мне исполнилось одиннадцать, играм с Кэри пришел конец. Меня отправили в пансион. Осенью 1943 года, держа в руках кожаный чемодан с написанным на нем моим именем, я села в поезд, идущий в Эссекс – там находилась небольшая школа для девочек Даунхэм. Из-за войны многие учителя ушли в армию или перешли на военные заводы. Учителей в школе почти не было, и я почти ничему там не научилась.

Школа располагалась в большом старинном доме. Первое время нам пришлось спать в подвалах из-за авиаснарядов. Промажнувшись по Лондону, они приземлялись совсем рядом с нашей школой. На наши кровати сыпалась штукатурка. Было очень страшно. После налетов я всегда ощупывала себя, цела ли я. Но никого из родителей это не беспокоило.

Я чувствовала себя очень одинокой и несчастной. Три года я жила без родителей и вдруг снова оказалась в одиночестве – да еще без милой Билли Уильямс и обожаемой Кэри. Но постепенно я освоилась, у меня появились друзья – в том числе Кэролайн Блэквуд. Позже Кэролайн стала писательницей и вышла замуж за Люсьена Фрейда⁸. Кэролайн вместе со мной ходила на уроки и постоянно пребывала в состоянии странной мечтательности. Чем старше я становилась, тем легче было учиться. А когда через два года ко мне присоединилась Кэри, жизнь совсем наладилась.

Директриса школы, миссис Кроуфорд, была женщиной весьма энергичной. Хотя у нее был муж, но жила она с другой учительницей, мисс Грэм. Когда-то миссис Кроуфорд играла в крикет за Шотландию и теперь старалась приобщить к этой игре и нас. Я подобные игры ненавидела. Я всегда старалась держаться поодаль, молилась, чтобы мяч не пролетел рядом, и безумно боялась криков: «Быстро! Лови, Энн!» Поймать мяч мне никогда не удавалось. Мяч для крикета очень твердый и бьет он очень больно. А вот лякросс⁹ мне нравился. Страшно агрессивная игра – мы носились по полю, стараясь выбить друг другу зубы своими клюшками.

⁸ *Люсьен Фрейд* (1922–2011) – британский художник немецко-еврейского происхождения, специализировавшийся на портретной живописи и обнаженной натуре; мастер психологического портрета. Был одним из самых высокооплачиваемых современных художников.

⁹ *Лякросс* – командная игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и клюшкой.

Играми у нас руководила Ма Пи. Мне казалось, что эта женщина – наполовину мужчина. Она постоянно свистела в свисток, и мы никогда не понимали, подзывает ли она собаку или свистит нам. Она же водила нас в плавательный бассейн. Вода всегда была ледяная, но с 1 июня, нравилось нам или нет, мы все должны были «как следует поплескаться». Впрочем, плавание мне нравилось, и я даже получила несколько медалей, в том числе за спасение на водах – роль жертвы вызвалась сыграть Кэри. Она рухнула в бассейн прямо в одежде и скрылась под водой. Я спасла ее, и она осталась в живых.

Прямо перед концом войны, когда мне было двенадцать, родилась моя сестра Сара. Мы с Кэри знали, что мама беременна, но, когда сестра отца, тетя Сильвия, позвонила в школу, чтобы сообщить новости, мы разрыдались. Мы знали, как страстно отец хотел иметь сына и наследника. Мама чуть не умерла в родах и больше не могла иметь детей, а это означало, что отцовская линия Куков пресеклась.

Несмотря на разочарование, все обожали Сару, ворковали над ней и обходились с ней как с куклой. Было здорово иметь еще одну сестру, хотя наше детство не совпало – слишком уж велика была разница в возрасте. Когда занятия в школе закончились, мы поспешили домой, чтобы увидеть нашу сестренку. Мама с гордостью показала нам кроличье пальтишко, сшитое для Сары. Шкурку она выделала плохо, и пальтишко стояло колом. В нем Саре приходилось сидеть в коляске, вытянув перед собой руки – словно она была в смиренной

рубашке.

Когда мы вернулись домой, мама принялась за нас все-ръем. Она каждый день что-то организовывала, чтобы мы могли провести время вместе. Это было очень неожиданно. Мои школьные подруги запомнили, какой веселой она была. Нам часто говорили: «Как я хотела бы иметь такую маму! Моя мама никогда со мной не играет!» Но после каникул мы с Кэри вернулись в школу на поезде. Мы махали ей из окна, зная, что увидим ее лишь через несколько месяцев.

В те времена родители приезжали в школу раз в год, летом. В этот день устраивались разные развлечения – например, «матч отцов по крикету» или «теннисный турнир матерей». В один из дней открытых дверей директриса собрала всех девочек у себя в кабинете. Она сурово произнесла:

– Во время встречи с родителями произошло серьезное происшествие. Если виновница не признается, вы все будете наказаны. Кто-то выстрелил в сэра Томаса Кука, организатора нашего отдыха, из водяного пистолета.

Воцарилась тишина. Мы переглядывались, не зная, что произойдет дальше. Но потом медленно подняла руку Кэрлайн Блэквуд:

– Извините, но это сделала моя мама.

Ее мать Морин, маркиза Дафферин и Эйва, приехала в самой невероятной шляпке – пруд с водой, по которой плавала утка. Каждый раз, когда маркиза склоняла голову, утка окунала клюв в пруд. Когда же она потрянула головой, вода

попала на несчастного сэра Томаса. Впрочем, необыкновенной у маркизы была не только шляпка: пластиковые каблукки ее туфель были прозрачными, и внутри находились рыбки. Конечно, рыбки были не живые, но, увидев маркизу, мы поняли, почему Кэролайн такая эксцентричная.

Я проучилась в школе два года. В 1945 году, когда мне было тринадцать, война наконец-то кончилась. Я испытывала непередаваемое чувство облегчения, хотя атмосфера в стране оставалась напряженной. Нация потеряла еще одно поколение мужчин. И с экономикой в стране было неважно. Чувства праздника не было – было лишь ощущение, что жизнь останется тяжелой.

Большинство работников Холкема после войны не вернулись, и моим родителям неожиданно пришлось задуматься, как оплачивать содержание поместья. Отец мой был очень способным человеком, но война его изменила. Он сражался в битве при Эль-Аламейне¹⁰, пережил малярию, но чуть не погиб в Лондоне. Утром 18 июня 1944 года мигрень помешала ему пойти на воскресную службу в Гвардейскую часовню, где он часто бывал со своими друзьями по Шотландской гвардии. Во время службы в часовню попала бомба, 121 человек погиб. Среди погибших было немало отцовских друзей. Это был самый тяжелый налет на Лондон в годы вой-

¹⁰ *Битва при Эль-Аламейне* – сражение Североафриканской кампании Второй мировой войны, в ходе которого британские войска под командованием генерала Монтгомери нанесли поражение итало-немецкой группировке фельдмаршала Роммеля в октябре-ноябре 1942 года.

ны. Чувство утраты было для отца невыносимым. Его брат Дэвид участвовал в Битве за Британию¹¹ и выжил, но потом умер от жажды в Северной Африке, когда его самолет был сбит в пустыне.

После войны отец жил в состоянии постоянной тревоги и стресса. Конец его жизни был омрачен мучительными воспоминаниями о службе в Египте.

Хотя война кончилась, отца отправили в Вену в союзные войска. Во время каникул мы с Кэри погрузились в поезд, организованный Женским институтом, и отправились в Вену. На шеях у нас висели жетоны с именами. Нам предстояло проехать через русскую зону. Нам велели не смотреть в глаза советским солдатам, когда те будут осматривать вагоны. Я безумно боялась этих людей. Завидев их поеденные молью серые шинели и черные сапоги, я затаила дыхание. Когда они проходили мимо нас, говоря по-русски, я дрожала от страха.

Мы жили в британском квартале, в доме, реквизированном союзниками. По странному совпадению, дом этот принадлежал австрийским друзьям моих родителей, и отец сумел договориться, чтобы они остались в собственном доме – правда, им пришлось переселиться в подвал.

Еду распределяли по карточкам. В Вене царило беззаконие. Советские солдаты патрулировали улицы, раскатывали по широким бульварам в конных экипажах, груженных на-

¹¹ *Битва за Британию* – авиационное сражение Второй мировой войны, продолжавшееся с 10 июля по 30 октября 1940 года.

грабленным добром. Единственной радостью было то, что маме удалось очаровать американских офицеров, и те позволили ей покупать молочные продукты и сахар в магазине на их территории – англичане не видели этого годами.

Несмотря на сложную обстановку, няня Сары ходила с нами и отцовским адъютантом в отель «Захер», который славился своими пирожными и фирменным шоколадным тортом с абрикосовой прослойкой. Свежие продукты мы прятали в коляске Сары. Добравшись до отеля, мы несли масло и яйца кондитеру, а тот пек нам пирожные. Мы их забирали, прятали в коляске и возвращались домой. Свежие венские пирожные – особенно в такой момент, когда есть было почти нечего, – были восхитительными. В такие моменты я забывала о страшных советских солдатах и наслаждалась дивным вкусом – это было огромное и драгоценное лакомство.

Когда мы вернулись в Англию, я снова отправилась в школу еще на несколько лет. Это было тяжелое время – зима 1946/47 года выдалась очень холодной. Температура в Англии упала до -21 градуса Цельсия. Ни в школе, ни в Холкеме отопления не было. У всех появились ужасные язвы от обморожения. Они отекали, болели, лопались... Боль не давала спать.

Школу я окончила в 1948 году, когда мне исполнилось шестнадцать. Об университете и речи не было. Равно как и о поездке за границу – на это просто не было денег. Как и всех моих подруг, меня отправили в первый из двух мо-

их старших пансионеров, Паудерхем-Касл. Школой управляли граф и графиня Девонские. Они разработали программу, с помощью которой двадцать пять девушек за год должны были научиться управлять большим домом – их собственным большим домом. А еще мы изучали основы «домашней экономики».

Каждые две недели мы менялись, исполняя разные роли, и вскоре стали понимать, что хорошо, а что невыносимо. Больше всего нам нравилось работать с камердинером, потому что он позволял нам допивать вино, которое мы подавали гостям. Кстати, среди гостей часто были друзья наших родителей. Они смотрели на нас с изумлением – не каждый день дочери друзей подливают вам вино за столом. Чем больше мы подливали, тем больше они пили, а чем больше они пили, тем больше оставалось нам. Камердинер учил нас чистить серебро – непростая работа: приходилось долго натирать серебро розовой уксусной пастой голыми руками. Большие пальцы у нас страшно болели, но серебро после этого выглядело идеально.

Мне нравилось помогать поварихе и посудомойке. Иногда нам позволяли самим печь булочки и шоколадные торты. Я с удовольствием помогала садовнику – мне всегда нравилось составлять букеты. А вот экономку я терпеть не могла, потому что она вечно требовала идеально застеленных постелей. Обычно я работала со своей подругой, Мэри Беркбек. Она не любила людей, предпочитая им собак и лошадей. Все,

чему нас учили здесь, нам не нравилось. Мужей искать мы не торопились и уж точно не умирали от желания научиться управлять большим домом. Мы быстро заключили договор: я шила и занималась работой в доме, а она занималась садоводством (но не составлением букетов) и чистила порученную мне лошадь. Все свободное время мы проводили на платформе станции Доулиш – курили тайком. Это было единственное место, где мы могли купить сигареты, но приходилось быть осторожными – лорд и леди Девонские всегда могли неожиданно сойти с лондонского поезда.

Через несколько месяцев мы завершили курс, и в 1949 году я вернулась в Холкем. В том году умер дед, и мне очень его не хватало. Я скучала по нашим посиделкам в длинной галерее рядом с граммофоном. После смерти деда отец унаследовал титул и стал пятым графом Лестером. Мне было семнадцать, Кэри пятнадцать, и мы все лето катались на велосипедах, а дважды в неделю с мамой ходили в кино в соседнем городке. Отец возил меня по фермам арендаторов. Он относился ко мне как к сыну и хотел научить управлять поместьем. Я была этому рада. Мне было интересно больше узнать об истинной жизни Холкема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.